

вероногие, ни птицы не могут ее пить; я сам, *Фулькерий Шартрский*, убедился в том собственным опытом; сойдя с мула, я спустился к берегу озера, попробовал воду и нашел ее более горькой, чем ревеня. Вот почему никакое существо не может жить в этом озере, даже рыба не держится в нем, почему его и называют *Мертвым*. Близ этого озера, или Мертвого моря, находится гора, также соленая, но не вся, а местами, где она тверда как камень и бела как снег; соль, из которой она сформирована, часто отрывается кусками и летит сверху вниз. Я полагаю, что это озеро сделалось соленым от двух причин: оно поглощает в себя беспрерывно горную соль, омывая ту гору непосредственно своими водами, и кроме того в него стекает дождевая вода, которая скатывается с горы. Возможно также и то, что, при необыкновенной глубине озера море подземными путями вливает в него свою воду. Замечательно также и то, что опуститься на дно и утонуть, даже с намерением, в этом озере весьма трудно. Мы объехали северный берег и нашли там небольшой городок *Сегор* в приятном местоположении и весьма богатый тем родом пальмы, которая дает сладкий плод, служивший нам пищей, и мы не могли достать ничего другого. При первом слухе о нашем приближении арабы, населявшие страну, обратились все в бегство, за исключением нескольких оборванцев, черных как мыло, и которых мы оставили в покое, как никуда не годную морскую траву. В этом же месте я видел на многих деревьях нечто вроде плода; разбив его кору, я не нашел внутри ничего, кроме черной пыли. Оттуда мы вступили в гористую местность *Аравии* и провели ночь в пещерах, которыми она богата. На следующее утро, когда мы переходили горы, нам встретилось много хижинок, но в них не было никаких съестных припасов, а жители их, услышав о нашем появлении, бежали и спрятались вместе со всем имуществом в подземелья. Не имея никакой выгоды оставаться в том месте, мы направились в другую сторону, следуя постоянно за путеводителями, которые предшествовали нам. Перед нами открылась долина, богатая всякого рода плодами, та

Печать Папы Евгения III (1145–1153 гг.)

самая, где *Моисей*, просвещенный Богом, ударил два раза своим посохом по скале, и тотчас, как сказано о том в Св. Писании, излился из нее ручей живой воды в количестве, достаточном, чтобы напоить весь народ израильтян и его стадо. Этот ключ бьет и теперь с тем же изобилием и образует небольшой поток, но весьма быстрый, так что он приводит в движение мукомольные мельницы. Я сам, *Фулькерий Шартрский*, напоил там своих лошадей. На вершине горы стоял монастырь, известный под именем монастыря св. *Аарона* и построенный на том самом месте, где *Моисей* и *Аарон* беседовали обыкновенно с Богом. Для нас было большой радостью видеть это святое место, бывшее нам неизвестным до тех пор. Так как за этой долиной страна была необработанна и пустынна до самого *Вавилона* (*Каира*), то и мы не решились идти дальше. Эта долина, сказать правду, изобиловала произведениями всякого рода; но во время нашего пребывания в ее хижинах жители их, унеся с собой имущество и уведя скот, разбежались и скрылись в самых отдаленных убежищах и в углублениях между скалами, защищаясь отважно всякий раз, когда мы пытались приблизиться к ним. Отдохнув три дня и подкрепив пищу себя и животных, мы навьючили их всякого рода провизией, и во втором часу дня (то есть по восходе солнца), в хорошую погоду, по данному знаку королевской трубой, двинулись в обратный путь. Пройдя мимо упомянутого моря и гробниц патриархов, о которых говорилось выше, мы оставили за собой *Вифлеем* и место погре-